

Трудно сказать, когда я пришел в себя. Конец помню смутно, дорога обратно прошла в тумане, сопровождаемая то какими-то тенями на границе зрения, то шёпотом, переходящим в низкий хриплый голос. Я улавливал некоторые слова, но всё же было непонятно, что именно он говорил. Прийти в себя помогла Вероника, очень озабоченно посмотревшая на меня, стоило пересказать эффекты.

После удивительного массажа головы и шеи, под запах кофе, оклёмываюсь. Девушка сидит напротив и взор неспешно бродит по моему лицу. Трудно разобрать эмоции, но даже в таком состоянии восхищение пульсирует в груди.

- Ух! Это что-то! Даже слов нет, - удалось выудить из связок.

- Ты хорошо себя чувствуешь? Голова не кружится, может не надо кофе? - с видимым беспокойством спросила она.

- Нет-нет, он как раз помог... и массаж, - отвечаю я, приложившись к чашке. - Спасибо, всё вроде нормально.

- Наверное это реакция на какой-нибудь газ, - предположила Вероника. - В постановке применили много разных эффектов.

- Всё-таки постановка... - тяну то ли с сожалением, то ли удивлением. Захотелось рассказать, что подобные аномалии со мной начали происходить довольно часто.

- Да, Матус, но очень качественная и, между прочим, это наследие Симфонии. Фольклорное произведение "Битва Сгущённого Мрака".

- Кажется, что никогда теперь не забуду. Это настоящее потрясение, словно оказался свидетелем событий, - выразил я тот невообразимый объём эмоций, оставшийся внутри.

- Понимаю, - произнесла она, присаживаясь рядом и положив кисть рядом с моей. - Я тоже под сильным впечатлением.

Жизнь всё мощнее прорывается, реальность сильна и могучей эмоциональной рукой гонит кровь быстрее. От председательского массажа не то, что ожил - воскрес. Смущение от близко находящейся Вероники мешает связывать мысли.

- Ну-у, я... то есть ты... вроде бы совсем не боялась, - с запинками произнёс я.

- Пришлось подыграть, - сообщила она, - хотелось произвести впечатление.

Сердце берёт очередной рубеж.

- Это удалось на все сто, даже двести процентов! - решаюсь накрыть кисть своей.

- Я... я рада, - молвит она, захватывая мой взор.

Фиалковые глаза обладают магнетической силой. Я могу любоваться игрой цвета в них бесконечно. В обычной жизни, смотреть собеседнику в глаза подолгу неприятно и невежливо, но сейчас - это источник жизни. Мягкое пламя очей Вероники занимает весь мир, погрузиться в приятные волны - наивысшее счастье, но всё же это опасная игра с могучими силами, и поэтому произношу:

- Надо сказать, что я даже подумал о тебе иначе. Мол чародейка и вся моя жизнь лишь чары,

иллюзия, а сейчас, вот, маски сброшены, – поведал я и с нервным смехом добавляю: – Представляешь?

– Ах-хах, – тоже нервно рассмеялась девушка, – ну ты даёшь, Матус.

– Всё актёрские навыки одной очень способной председательницы, – поднял я указательный палец вверх.

– Так, – шутливо сдвинула брови Вероника, – хватит про меня, давай о тебе, в общем, выступление понравилось?

– Ага, я в принципе живое звучание в первый раз слышу, а тут ещё с такими спецэффектами, – охотно поделился я.

– Это радует, – улыбнулась она довольно. – Помнишь, как переживал, что тут “мадамы и мусье, будут поправлять пенсне”?

– Ха-ха-ха, – расхохотался я во весь голос, – какой смешной стишок! Откуда он?

– Папа иногда выдаёт.

– Остряк, конечно, – улыбка всё ещё сдавливает щёки. – А так да, было дело, переживал. Но даже примени я фантазию на всю, то не представил бы такого...

– Понимаю, – поддержала она и вдруг добавила, – так, минутку...

Вероника подошла к панели на стене, у освещения здесь можно менять режимы, и она выбрала дежурный. В комнату проник полумрак, сея умиротворение и романтический настрой. Аккомпанементом задувает прохладный ветерок с балкона. Ему также помогает электроника – вытяжка набрала обороты. Я переместился с дивана на кресло, что дает возможность любоваться панорамой из окон, а Вероника села рядом, и я с умилением наблюдаю, как подбирает ножки под себя – столь изящное зрелище невозможно пропустить.

В едва заметные из-за абсолютной прозрачности окна, можно видеть “кровеносную систему” санатория: это и аллеи с дорожками, мысли о коих будят светлую грусть прогулок; объекты инфраструктуры выделяются среди них, как артерии и сосуды; на периферии горят огни вокзала, что как маяк для убегающего вдаль струнного пути. Нас завлечёт вид мчащегося по бездонному мраку огонька – над сплошным покровом леса приближается к вокзалу индивидуальный транспортный модуль, словно метеор он пересекает тьму. Ну и, довершая картину, – голубой кусочек открытого бассейна справа, можно даже расслышать редкие радостные возгласы.

– Недавно обедали с семьёй, – тихо и приятно начала девушка, – разговор зашел о Живице. Папа вспомнил случай из моего детства, конечно, давно забытый. Мы были где-то в столь же прекрасном и живописном месте. Он тогда произнёс что-то типа: “Нам следует сохранять и оберегать природу для будущих поколений.” Ну, а я, – хихикает Вероника, – спросила: “Зачем?”. И вот, что он ответил: “Созерцание природы способно дать хорошего пинка там, где мы готовы упасть. Лишив будущих людей этого стимула, можем лишиться и будущего.”

– Смешно и, вместе с тем, впечатляюще, – сказал я всю улыбаясь.

– Ну мне они тогда влетели в одно ухо, недолго побыли внутри, да исчезли через другое, – откровенничает прекрасная собеседница.

Я поразмыслил и произношу:

– Это нормально для ребёнка.

– Спасибо, Матус. Сейчас я благодарна всем жителям Симфонии за подарок.

Глаза предательски намокли.

<http://tl.rulate.ru/book/14792/299113>